

Елена Казакова

ФОРМУЛА ГИГИЕНЫ В РАННЕСОВЕТСКОЙ САНИТАРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ: ОТ «МОЙДОДЫРА» ДО САНПРИСЯГИ

Охрана здоровья детей и подростков с первых лет существования советского государства определялась большевистским правительством как одна из важнейших государственных задач. Наряду с устными, изобразительными и перформативными видами искусства санитарно-гигиеническая литература позиционировалась как важнейший инструмент пропаганды личной и социальной гигиены, здорового образа жизни, необходимости базовых медицинских знаний. В основу анализа литературных текстов и сопровождающих их метатекстов — официальных документов, критических и методических статей — положено понятие «формулы». Приводятся примеры, демонстрирующие, что идеологи и методисты также оперировали понятием формулы, конструируя структуру санитарно-просветительских текстов. Показано, что текстовые формулы, сочетая простоту, ритмическую основу и эмоциональную окраску, задействовали стратегии убеждения, высмеивания, угрозы, а их генезис отражал общие тенденции языковых трансформаций, включая заимствования из военного, религиозного и бюрократического дискурсов. Многоадресность и широкий жанровый репертуар этой литературы позволяли охватить аудиторию разных возрастных, образовательных и социальных страт. Резюмируется, что язык санитарно-просветительской литературы 1920-х гг. формировался как часть советского идеологического проекта, сочетая pragmatику гигиенического воспитания с манифестацией «новой реальности».

Ключевые слова: советская детская литература, научно-популярная литература, санитарное просвещение в СССР, гигиеническое образование, охрана здоровья в СССР, медикализация повседневности, формульные тексты

*Елена Олеговна Казакова, Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
РАН, Санкт-Петербург, elena.mail.kazakovagmail.com*

DOI: 10.31860/2304-5817-2025-2-28-305-332

В марте 1921 г. в Москве прошло I Всероссийское совещание по санитарному просвещению, на котором утверждалось, что «...несознательное отношение к требованиям личной гигиены» привело к «эпидемическому распространению разных инфекций, вшивости как бытовому явлению, с сыпняком и возвратным тифом, бытовому сифилису, массовому заболеванию трахомой и чесоткой, детской смертности, занимающей первое место в Европе...» [Совещание 1922, 12]. Несмотря на отсутствие точной статистики и сложность ретроспективной верификации подсчетов, разные источники подтверждают этот «антрирекорд» по детской смертности, возглавившей перечень проблем здравоохранения, с которыми столкнулось молодое советское государство [Newsholme 1933; Кваша 2003; Williams 2018 и др.].

Эпидемии, голод, последствия войн вели к общему росту заболеваемости и смертности, возросло количество детей-сирот, стала повсеместной детская беспризорность. Была прервана работа уже существовавших институтов защиты детства, таких как Отдел борьбы с детской смертностью и охраны детства и Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества, затруднены связи между учреждениями разных регионов [см. Мицюк 2023, 102; Альбицкий 2016, 122–123;]. Базовое санитарное благоустройство было доступно очень немногим, уровень санитарной грамотности и информированности был исключительно низким. Не было не только учета беспризорных, который был практически невозможен, но не были известны ни реальная численность детского населения, ни количество и состояние детских педагогических и медицинских учреждений [Смирнова 2015, 56]. Все это в совокупности привело к тому, что ситуация с детским здравоохранением стала критической и нужно было не просто «улучшать положение детей», а спасать их [Там же, 63].

Масштаб проблемы и ее значимость были столь очевидны для большевистского правительства, что благополучие детей уже в ранних советских манифестах позиционировалось как один из государственных приоритетов, а внимание к здоровью детей — как острая необходимость: «...самая первоочередная задача — наступление на грязь и антисанитарию и отвоевание для детей сносных санитарных условий обстановки и жизни в детдоме, школе, всюду, где скапляется детвора» [Страшун 1923, 5]. Отдел охраны здоровья детей и подростков утвержден положением от 30 марта 1922 г., которое ставило «...задачу постановки охраны здоровья детей и подростков во Всероссийском масштабе, как одной из основных

областей в профилактической и евгенической работе Наркомздрава» [Фрейберг 1925, 426].

Для реализации этой установки были созданы законодательная база и исполнительные органы. Первое «Положение об охране здоровья подростков и детей РСФСР» появилось еще 14 октября 1919 г. [Фрейберг 1925, 20]. Основными исполнителями были Наркомздрав, Наркомсобес, Наркомпрос, а также многочисленные дополнительные и временные подразделения: Совет защиты детей, Деткомиссия ВЦИК — Чрезвычайная Комиссия по улучшению жизни детей, Отдел охраны здоровья детей и подростков, Общество борьбы с детской смертностью и другие [см. подробнее: Нестеренко 1971; Смирнова 2015]. Функции этих подразделений часто пересекались, они переходили из управления одного ведомства в другое, что приводило лишь к путанице и затрудняло работу.

Помимо практической деятельности велась также институциональная работа по изучению проблем детства — воспитания и обучения, оздоровления и общего развития детей: проводились педиатрические съезды, конференции, были созданы Дом Изучения ребенка, Институт детского чтения, Центральный педагогический институт [Смирнова 2015, 57], издавался «Ежемесячный журнал по изучению раннего детского возраста», «...посвященный патологии, физиологии, психологии и гигиене ребенка приблизительно до 3-хлетнего возраста» [Фрейберг 1925, 400].

Основным направлением работы по улучшению здравоохранения было признано профилактическое обучение базовым навыкам гигиены и санитарно-гигиеническое просвещение. Дети должны были стать ключевой аудиторией санпросвета в силу их высокой восприимчивости и «неиспорченности»: «Их легче обсеменить новыми знаниями, привить новые привычки» [Берлянд 1924, 4]. Резолюция, принятая в 1919 г. Школьно-санитарным отделом Наркомпроса, гласила: «Гигиена должна проникать и быть руководящей нитью школьного преподавания и воспитания детей...» [Там же]. Предполагалось также, что дети не только сами воспримут новое знание и новые практики, но и станут их проводниками в своем окружении: «через детей начнется перевоспитание и всего населения на началах здоровой трудовой жизни», «чистый ребенок вносит навыки чистоты в семью» [Там же, 4–5]. Поскольку квалифицированных врачей и педагогов для реализации санитарного просвещения было исключительно мало, на помощь должна была прийти специальная санитарная литература.

На протяжении всего первого советского десятилетия ее количество и качество оценивались критиками и методистами детского чтения преимущественно как неудовлетворительные: в статье 1932 г. автор констатирует, что «отсутствуют специально учебные книги по вопросам охраны здоровья», а в художественной литературе «наличие этой тематики является случайным, в значительной мере обуславливается личными вкусами автора» [Заблудовский 1932, 17]. Однако такая литература издавалась даже в самые сложные с точки зрения экономики и общего благополучия годы.

Какой была санитарно-просветительская литература?

Значительная часть раннесоветской научно-популярной литературы создавалась в расчете на широкую аудиторию, включающую и школьников, и молодежь, и взрослых. Это справедливо и для санитарно-просветительской литературы. С одной стороны, такая широкая адресация представляется вынужденной мерой: «За недостатком литературы, рассчитанной на пионера, приходится на ближайшее время подбирать книги для них из популярной литературы, имеющейся на книжном рынке» [Мильман 1925, 62]. С другой стороны, по уровню образованности и грамотности школьник, рабфаковец и крестьянин часто уравнивались, и авторы адресовали свои книги всем, кто по их представлениям нуждался в санитарно-гигиеническом знании. Такой подход не был новшеством, тенденция к объединению детей и малообразованного крестьянства — «народа» — в общую категорию потребителей литературы фиксируется исследователями уже в 1830–40-х гг. [Вдовин 2023].

Одним из маркеров, по которым можно определить предполагаемый возраст аудитории, служит соответствующий возраст действующих персонажей. Но это правило не универсально, и даже книги с эксплицитной адресацией, например, «Гигиена пионера и школьника» И. М. Варушкина, могут позиционироваться как полезные для широкого круга читателей: «Дети прочтут эту книжку не только в школе, отряде, но и дома. Книжка эта окажет помошь врачу в его санитарно-просветительной работе. С удовольствием прочитают ее в избе-читальне и клубе молодежь и комсомольцы» [Варушкин 1927, 4]. Особо выделить можно литературу для дошкольников и младших школьников — ее отличают маленький объем, упрощенный язык и преобладание иллюстраций над текстом.

Поскольку 1920-е гг. прошли во многом в условиях становления новых социальных институтов, создание санитарных текстов и пособий инициировалось разными акторами. Театрализованная санитарная игра «Да здравствует солнце!» была написана по заказу туберкулезного диспансера, «лото по туберкулезу» составлено Тубсекцией Мосздрава [Новые формы 1924], а, например, «Мойдодыра» К. Чуковский написал, по его словам, следуя тенденциям времени [Чуковский 1928]. Авторами санитарно-просветительских текстов выступали профессиональные литераторы (Г. В. Добржинский, Н. П. Саконская), санитарные инструкторы и методисты (П. Е. Заблудовский, И. И. Мильман, Я. М. Трахтман), врачи и профессора (Г. Я. Брук, И. М. Варушкин, М. Д. Карнаухов¹, П. Д. Юшков).

Еще одной определяющей характеристикой санитарно-просветительской литературы является ее обширный жанровый репертуар, наряду с собственно литературными жанрами включающий беседы и лекции, экскурсии, культпоходы, пьесы, импровизации, игры, частушки, ребусы, загадки и т. п. Такое изобилие методисты объясняют широким спектром вопросов охраны здоровья, которые «... требуют и разнообразных адекватных им литературных форм. От малой формы (шутки, сатиры, эпиграммы) ... до большого литературного полотна по вопросам большой социально-гигиенической значимости...» [Заблудовский 1932, 17].

И наконец, характеристика, отличающая, как нам кажется, санитарно-просветительскую литературу от других типов научно-популярной литературы и привлекшая наше исследовательское внимание — это обилие в текстах клише, заимствований различной специальной терминологии, устойчивых формул, часть из которых используется по сей день.

Корпус текстов, послуживших материалом для этого исследования, включает тексты санитарно-гигиенической тематики, эксплицитно или имплицитно адресованные детям и подросткам и опубликованные с 1919 по 1932 гг. Основными библиографическими источниками стали указатель «Детская литература» [Старцев 1933], «Указатель популярной санпросвет литературы...» [Мильман, Нестеренко 1926] и указатель изданий по санитарному просвещению [Яковлев 1949]. Кроме того, были задействованы программные, методические, критические статьи, формировавшие санитарно-просветительский дискурс этого периода².

Задача этой статьи — описать дискурс, созданный в официальных и литературных санитарно-просветительских текстах, через

анализ устойчивых формул и риторических приемов, характерных для нового языка советской эпохи.

Формула гигиены

Начнем с того, как сами методисты и идеологи представляли себе систему санпросвета через печатную продукцию. Ребенок возрастом до 3-х лет находился в ведении Охматдета — комитета по охране материнства и детства. Предполагалось, что до рождения ребенка и в период младенчества вести санитарно-просветительскую работу следует с матерью, а в яслях и детском саду начинается взаимодействие с самим ребенком. Как и в случаях с другими видами обучения, методисты предлагали систему поэтапного усложнения учебного материала — от детских садов до училищ (фабзучей, школ рабочей молодежи и т. п.). Поскольку гигиену рассматривали не только как знание, но и как практику, в методических пособиях речь обычно идет о повышении степени сложности гигиенических привычек и разъяснений.

В 1923 г. был опубликован «Единый план гигиенического воспитания», составленный И. Д. Страшуном, сотрудником Наркомздрава и соратником наркома Н. А. Семашко [Страшун 1923]. Идеи, изложенные в этом тексте, который был не столько планом действий, сколько методической разработкой, не были уникальными и находились в общем русле педагогических представлений того времени. Значимость этого текста для нашего исследования заключается в лаконичной презентации этих идей и, особенно, в использовании термина «словесные формулы»:

...в детских садах дело ограничивается только привитием самых элементарных гигиенических привычек (чистота, опрятность в еде и т. п.) <...> ...при чем практические приемы сопровождаются краткими словесными формулами, действующими как внушение. Результатом должно явиться прочное усвоение ряда гигиенических привычек и превращение их в чисто автоматические действия [Там же, 90]³.

Из этой небольшой выдержки следует, как гигиеническое образование должно постепенно усложняться от детского сада к школе 1-й ступени (дети 8–11 лет) и 2-й ступени (подростки 12–17 лет): на каждом этапе вводится все больше гигиенических привычек и используются более полные словесные формулы, имеющие уже характер объяснений, ученики все интенсивнее вовлекаются

в санитарное благоустройство школы и участие в работе внешкольных санитарных организаций [Там же].

Автор видит «основным психологическим агентом воздействия... ...внушение действием, подкрепляемое внушением словесным (краткая формулировка правила)», а целью этого синтеза практики и слова было превращение гигиенической дисциплины в ряд автоматических действий — «вторую натуру» [Там же, 90–91].

Вероятно, появление формул в санитарной литературе не является прямым следствием подобных программных текстов — скорее, и методисты, и литераторы отражали процессы, которые формировали новый советский язык повседневности.

Конструирование нового языка

Исследователи сходятся во мнении, что одной из важных особенностей нового советского языка стало создание устойчивых форм, которые они обозначают как «речевые шаблоны» [Селищев 1928], «речевые штампы» и «формулы» [Фесенко 1955], «идеогемы» [Купина 1995; Гусейнов 2004]. Под этими обозначениями авторы подразумевают вербально закрепленное предписание, регулирующее мышление и поведение участников коммуникации. Помимо формульности авторы выделяют еще ряд характеристик, среди которых наиболее важными нам кажутся императивная модальность языка и смешение стилевых и тематических пластов.

Императивно-приказной дискурс обуславливается «ораторской», транслирующей функцией языка [Селищев 1928, 24]. Этalonной ситуацией употребления языка служит «выступление с трибуны» [Кронгауз 1991], эти ситуации ритуализируются, превращая в часть ритуала и язык. При этом ритуальный язык не только не становится рафинированным, напротив, в него приносятся различные элементы на основе речевых прецедентов [Купина 1995] и через заимствования [Селищев 1928].

Концептуальным ориентиром в поиске «словесных формул» для нас послужила книга «Язык революционной эпохи» [Селищев 1928] о языковых трансформациях первых советских лет. В числе причин, которые их инициировали, автор называет стремление к краткости, отказ от описательной передачи, а также необходимость обозначать новые явления, процессы и переживания, связанные с историческими событиями. Он детально прослеживает пути заимствования языковых элементов, связанных с габитусом «трансляторов» языка и его «реципиентов».

Представляется, что процессы, описанные в упомянутых исследованиях, и идеи, выраженные в «Едином плане...», имеют общую природу — создание и использование риторических формул. Опираясь на приведенные наблюдения, мы проследим, как они проявляются в текстах санитарно-гигиенической литературы для детей.

«Дети делают так»: внушение примером, убеждением, угрозой

Среди всего объема санитарно-просветительской литературы книжки-картинки для младших дошкольников наиболее нейтральны по лексике и просты по содержанию и подаче. В основном в них задействован прием обучения на каком-нибудь примере, приводящийся повседневные ситуации, которые ребенок должен копировать в своем быту: «Ваня с Таней вымыли чисто руки перед обедом» [Как кушать 1929, 2]; «Перед сном и поутру / Зубы, десны крепко тру» [Трахтман 1930, 14]; или выстраивающие положительные коннотации с действиями: «Я все вымыла: лицо, шею, грудь, руки... Вот хорошо!» [Добржинский 1925, 6].

Если в этих книгах присутствует объяснение гигиенических правил, то только в самом простом виде: «Перед сном Вася открыл фортуку, чтобы свежий воздух в комнате был» [Корноухов 1929, 7]. Вопросно-ответная форма, использовавшаяся в познавательной литературе предшествующих периодов, восходит к форме катехизиса: «Дети, зачем вода на свете? Затем, чтобы Тане утром умыться» [Зачем вода 1929, 1]. Поскольку такая форма риторически эффективна, она использовалась и в просветительской литературе, и в монологических устных текстах партийных деятелей [Селищев 1928, 132]. В книжке-картинке «О зубках» [О зубках 1929] автор использует оппозицию «так не надо, а надо вот так» и демонстрирует последствия неправильного поведения: «Не бережет Таня зубки. Грызет зубами орехи, когда можно расколоть их щипцами». Нейтральность тона в этих текстах задают глагольные формы 1-го и 3-го лица единственного числа. Более экспрессивный оттенок появляется при использовании повелительного наклонения: «Помни правило одно: / Утром не валяйся, / Раствори скорей окно, / Живо умывайся!» [Яковлев 1925, 4]. Формула на основе конструкции *надо+inf* несет характер принуждения и долженствования, это и призыв, и внушение, и следование предписанию: «Хочется спать, а надо сделать еще ряд работ: вымыть ноги, почистить зубы, помыть шею, уши» [Фольман 1932, 19]; «Надо, надо умываться по утрам и вечерам» [Чуковский 1923, 22]. Иногда формула включает не

Рис. 1. Я. Н. Трахтман. Три щетки. 1930. Иллюстратор Н. В. Памятных

только императив, но и объяснение, призванное задействовать рационализацию действий у детей постарше: «Платье выбей и стряхи, / Аккуратненько сверни, / Чтобы нас в грязи, в пыли / Съесть болезни не смогли» [Добржинский 1925, 10]. Но преимущественно формулы не содержат объяснительной части и являются своего рода аксиомами, которые нужно принять безусловно.

Наряду с демонстрацией примера и объяснением реализовывается и стратегия угрозы в виде юридической формулы «диспозиция — санкция»: правило и наказание за его неисполнение. Такая формула может быть компактным выражением, а может быть развернута в сюжет, где служит «моралью». Именно таким образом выстраивает однотипные назидательные санитарные рассказы Ю. Вессели: если есть незрелые ягоды, будет дизентерия [Вессели 1928а], если не уничтожить вещи больного, то от них заразится и умрет другой ребенок [Вессели 1928], если вместо доктора обра-

перед сном мой ноги

Уже холоднее на воздухе; хочется спать, а надо сделать еще ряд работ: **вымыть ноги**, почистить зубы, помыть шею, уши. Зато как приятно лечь чистым в чистую постель! Не успеешь хорошенько завернуться, как засleepшь.

Рис. 2. Ф. Фольман, В. Бонюк. Пора вставать. 1932. Фотограф Р. Алин

титься к деревенской знахарке, будет заражение крови и ампутация ноги [Вессели 1927].

Критик К. Н. Беркова, современница упомянутых авторов, называет приемы убеждения и угрозы положительным и отрицательным методами: «Забывая о склонности ребенка к подражанию, автор часто показывает только отрицательные явления. Всевозможные „Стёпки-растрёпки“ построены именно на таком принципе. С другой стороны, совершенно неоправданна пропаганда санитарной культуры детям методом показа исключительно положительных явлений... Такой материал кажется ребятам чрезмерно назидательным, скучным и потому не дает желаемого эффекта» [Беркова 1932, 76]. В качестве примера, где положительное и отрицательное сбалансированы, Беркова приводит книгу «Детям разные советы от санпросвета» [Карнаухов 1927], в которой персонаж красного

*Рис. 3. М. Д. Карнаухов. Детям разные советы от Санпросвета. 1927.
Иллюстратор Е. С. Веселовский*

цвета всегда соблюдает правила, а персонаж синего цвета всегда их нарушает.

Анализируя поэтику заглавий, стоит отметить прием ритмизации и рифмовки, призванный сделать тексты запоминающимися. Формула в этом случае предполагает одновременное использование рифмы и слов санитарно-гигиенической тематики: «Детям разные советы от Санпросвета» [Карнаухов 1928], «Как жить, чтобы здоровым быть» [Железный 1925], «Сказ о том, какие меры нам известны от холеры» [Трахтман 1921]. Частным случаем этой формулы можно считать «санитарную» рифму созвучным именем главного героя «Боря в амбулатории» [Зак 1928], «Как Алла хвопала» [Мексин 1926], «Ивашка-замарашка» [Добржинский 1925] «Как Ванюша умер от коклюша» [Канель 1928], «О том, как Нил всю деревню заразил» [Юшков 1927].

Инвектические формулы

К самым маленьким детям редко применяется запугивание, но может применяться высмеивание с использованием негативных коннотаций: «...задразнили Ваню совсем: — Ноготки, коготки,

чумазые ободки. — Верно под ногтями у тебя трубочист ночевал! — И острые какие! Как ножики! Ваня от ребят еле вырвался» [Саконская 1930, 4]. Образ трубочиста как метафора грязнули закрепился в этих текстах настолько, что превратился практически в его синоним.

В книгах для школьников инвективные формулы часто строятся на сравнении с животными, что подключает еще и комический оттенок: мокрая курица, дохлая кошка, как поросенок и т. п. Диапазон инвектива варьируется от иронии и пренебрежения до демонстрации отвращения (своеобразным маркером может служить междометие «фу!»): «Фу, Шурка, смотреть на тебя даже противно... ...чешешься, как поросенок...» [Яковлев 1925, 7]; «(Ивашка сморкается в рубашку). Фу, какая гадость, даже тошнит. А куда платок дел?» [Добржинский 1925, 8]; «руки и лицо всегда грязные, волосы взъерошенные, в них водились паразиты. <...> ...с него прямо переползают разные насекомые» [Сигал 1927, 29].

Инвективы как способ реализации общественного надзора и порицания не только воспроизводятся в книгах, их эксплицитно рекомендуют использовать и самим детям: «...пионер... ...должен с этим злом (курением и алкоголизмом — Е.К.) бороться и среди других ребят. Разъяснять, убеждать, высмеивать этих маленьких обезьян, которые перенимают у взрослых самое плохое» [Железный 1925, 23]. Инвективные формулы могут быть связаны не только с практической значимостью гигиены, но и с представлениями о личных качествах человека. В книгах широкой адресации для более взрослой аудитории акцент переносится с поведенческих паттернов на личностные характеристики: «пионер, не делающий по утрам гимнастики, — просто безвольное мочало» [Там же, 19]; «Союзу советских республик... ...нужны не расхлябаные неврастеники, а люди стойкого труда и твёрдой воли» [Мендельсон 1931, 3].

Используются и обратные инвективы, направленные на персонажей, соблюдающих правила гигиены: «Зойка-чистёнка, скверная девчонка» [Добржинский 1925, 8], «ты — чистюха какая!» [Сигал 1927, 6]. В пионерских газетах встречаются такие заметки: «Есть у ребят привычка: каждого пионера, который одевается и держит себя чисто, называть маменькиным сынком и буржуем... Ребята своими насмешками и презрительным прозвищем доводят до того, что мытье рук считается лишним предрассудком» [Надо изжить 1924, 2].

Сниженный регистр лексики, характерный в том числе для инвектива, мог обуславливаться необходимостью общаться с разными

Рис. 4. Г. Добринский Г. Ивашка-замарашка. 1925

социальными слоями на их языке, используя «крепкие словечки и выразительные сочетания языка деревни, фабрики, низших слоев населения города» [Селищев 1928, 69].

Бюрократические формулы

Одним из способов легитимизации правил гигиены стало использование бюрократических формул — закрепление правил в виде formalizovannykh tekstov — инструкций, уставов, положений, резолюций наряду с заимствованием терминологии этих документов. С их помощью значимость этих правил усиливалась, они буквально возводились на уровень законов.

Уставы писались для любых организаций и сообществ и служили в том числе «объясняющим» текстом. Так, например, школьный гигиенический кружок при провинциальной школе фиксирует свои правила в виде устава [Варушкин 1924, 10]. Одним из всеобщих закрепляющих текстов стали «Законы и обычай пионеров», вошедшие в устав пионерской организации. Этот свод правил менялся от издания к изданию, его публиковали в полном и укороченном виде отдельными книгами, брошюрами, печатали в газетах и переделывали в стихи [Савельев 1926]. В издании 1924 г. [Сорокин 1924] первый пункт списка обычая (то есть практик) звучит так: «Пионер охраняет здоровье свое и других, он вынослив и бодр. Встает рано утром, тщательно умывается, делает гимнастику». Эта формулировка нередко используется в санитарно-просветительских текстах [см., например: Яковлев 1925].

Поскольку существовали правила и законы, была и система санкций за их невыполнение. «Неформальные» суды — товарищеский, производственный — существовали и как социальная практика, и как драматический жанр. Санитарные суды также находили свое применение и в практиках коллективной жизни детей, и в литературных текстах. Приведем фрагмент инсценировки, в которой тщательно воспроизведены характерные атрибуты суда — наличие председателя, секретаря, защиты и обвинения, и даже в оформлении текста сохранены характерные для протокола пропуски для заполнения актуальных данных:

Секретарь. Прошу встать, суд идет!

Председатель и члены суда. (Входят).

Председатель. Оглашается приговор по делу пионеров Иванова и Голованова.

Товарищеский суд пионеров отряда в заседании своем от мес года в составе председателя т. и членов суда т.т. разобрав дело по обвинению пионера Голованова Владимира, 13 лет и Иванова Михаила, 12 лет в курении, признал доказанным, что пионеры Голованов Владимир и Иванов Михаил, будучи в отряде, курили и тем нарушили правило пионеров — укреплять здоровье и не курить, так как курение разрушает здоровье [Суд 1927, 23].

Предполагалось, что детям нужно участвовать в показательных судах и их организации: «Весьма полезно иногда принять участие в показательном суде над пьяницей в качестве свидетелей или даже

общественных обвинителей» [Брук 1929, 90]. С жанром судебного процесса соседствует резолюция как воплощение коллективного или судебного решения: «...был создан санитарный митинг всех классов. Выступил доктор... После доклада была принята резолюция...» [Сигал 1927, 42–43]. Сама резолюция может возводиться в правило: «Прочтем резолюцию вслух, все вместе. Пусть она будет нашим торжественным обещанием» [Бардовский 1929, 35].

Воспроизводятся в текстах и характерные для канцелярского слога аббревиатуры и сокращения: «школьным санитарным комиссиям было рекомендовано иметь в своем составе не менее 4 дежурных: ...,школдан“, его обязанность — следить за чистотой школьного здания;,чистуб“, ответственный за состояние уборных;,вентоп“... ...за... ...отопление и вентиляцию;,личчист“... ...за личную гигиену учащихся» [Смирнова 2015, 60].

Военная лексика

Задействование военной лексики и риторики, позиционирование любых действий через понятие «борьбы», выстраивание бинарных оппозиций «друг — враг» — эти приемы привлекали внимание исследователей советской словесности. «Военная метафора» признается ими как одна из ключевых для советского словаря [Леонтьева 2006, 243], а существительное «борьба» определяется как «официальный советский модус вивенди» [Гусейнов 2003, 645]. Обилие военной лексики в составе нового советского языка обусловлено самим «характером программной деятельности революционеров» [Селищев 1928, 85].

В санитарной литературе военные термины использовались для усиления эмоциональной окраски и метафорического описания процессов и действий: «„солдаты“ — белые кровяные шарики, борющиеся с бактериями» [Брук 1929, 6]; «мобилизуйте всю вашу волю» [Железный 1925, 5]; «Итак, ты открыл окно и натянул трусы; „Смирно“» [Там же, 12]. Ставший привычной составляющей лозунгов призыв «даешь!» заимствован из флотской командной терминологии [Селищев 1928, 91]. Он послужил основой для формулы-требования и использовался, например, в названиях изданий [Даешь здоровье, 1925].

Характерным приемом стало также выстраивание бинарных оппозиций и аксиологическая поляризация лексики — придание однозначной ценностной окраски предметам, явлениям, поступкам. Примером такого радикального деления может служить формула

Рис. 5. М. Д. Карнаухов Гигиена. 1927. Иллюстратор Е. С. Веселовский

«друг-враг», краткая, удобная для лозунгов и правил, максимально подчеркивающая антитезу: «Грязь — лучший друг болезней» [Бардовский 1929, 38], «Здоровые крепкие зубы лучший друг пищеварения» [Памятка 1925, 13]; «... кожа является нашей защитой от многих врагов, которые нам угрожают» [Сигал 1927, 10].

История возникновения и воспроизведения, пожалуй, самой устойчивой санитарно-гигиенической формулы «Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья» требует отдельного исследования. Отметим только, что в литературе 1920-х гг. она уже очень распространена и используется с некоторыми вариациями в списках правил, в санитарных играх, в названиях книг и брошюр.

Литературные и фольклорные формулы

Библейские

Несмотря на то что в 1920-е гг. активно велась антирелигиозная работа, некоторые устойчивые словесные и сюжетные формулы церковно-книжной тематики остались в языке: «Многие из вас не принимают никаких предохранительных.... мер во время эпидемий и думают: „авось, минует меня чаша эта“» [Памятка 1925, 4]; «заповедь здоровья» [Сигал 1927, 47]. В научно-фантастической

книге «Приключения доктора Скальпеля...» уменьшившиеся герои путешествуют по миру микробов: «...они побывали в пасти... ...чудовищ и, как библейский Иона, изрыгались обратно...» [Гончаров 1924, 80]. Этую двойственность использования религиозных формул на фоне антирелигиозной политики фиксирует критик К. Н. Беркова: «В знаменитом „Майдодыре“ К. Чуковского автор восклицает: „Боже, боже, что случилось? / Отчего же все кругом / Завертелось, закружилось, и т. д.“ Это благоговейное обращение неизменно повторяется в каждом новом издании. Неужели нельзя обойтись без него? Подобное засорение авторского лексикона, а через него и детских голов религиозным мусором совершенно недопустимо» [Беркова 1932, 74]. Словами «Боже, боже» начиналась строфа в первом издании «Майдодыра» 1923 г. [Чуковский 1923], в более поздних изданиях начало было заменено на «Что случилось?», а затем на «Что такое?». И если «Боже, боже» выступает в тексте лишь в роли междометия, то в остальном религиозные формулы используются для придания тексту возвышенного стиля и эмоциональной окраски: «евангелие коммунизма», «голгофа ребенка», «„ныне отпускаеш“, ибо сбылась, „наконец“, мечта „международного социализма“» [Селищев 1928, 67–68].

Чтобы отмежеваться как от военных, так и от религиозных коннотаций прежнего словоупотребления, идеологи пионерского движения избегают терминов «присяга» и «клятва» при обозначении текста, который произносит вступающий в пионеры, и называют его «обещанием» [Леонтьева 2006, 247]. Так, воспроизводя пионерский ритуал, персонажи санитарной игры дают «торжественное обещание» [Бардовский 1929, 36]. Однако в нескольких методических текстах встречаются упоминания о 18 гигиенических правилах, которые «...как детскую присягу предлагает Совет Охраны здоровья детей, НКЗ и НКП...» [Страшун 1923, 10]. Сам список не включает определения «присяга», но предваряется словами «Обещаю, что постараюсь...» [На помошь 1923, 53].

Лозунги

В особую категорию кратких формул можно вынести лозунги, которые стали чрезвычайно устойчивым жанром: «наша пресса с особой яркостью выдвигает основные лозунги, узловые пункты, ударные точки и бьет в них настойчиво, упорно, систематически — „надоеливо“, говорят наши врачи. Да, наши книжки, газеты, листовки, „вбивают“ в головы масс немногие, но основные „узловые“

формулы и лозунги. (Правда 1 марта 1923)» [Рыба 2010, 162]. Использовать плакаты и полотна с лозунгами предлагалось повсеместно: «лозунги и изречения, равно как и мысли великих и ученых людей, можно не только прочесть, но и использовать, как просветительные плакаты, вывешенные всюду на видных местах: в учреждениях, предприятиях, клубах, школах, казармах, чайных, столовых, домах-коммунах, на лестницах, при входах и т. п.» [Санитарное просвещение 1922, 135].

Лозунги фигурируют в описаниях школьных практик: «...мы опросили всех учеников, у кого есть дома плевательницы, и составили диаграмму для „уголка здоровья“. Там еще поместили лозунг: „Помните, что кто плюет на пол — плюет в лицо своему товарищу“» [Сигал 1927, 29]. Они используются как рекомендация и призыв: «Лето должно проходить под лозунгом: „отдыхай, чтобы запастись силами для нового учебного года“, зима — под лозунгом: „умело работай, чтобы лучше и скорей подготовить из себя смену взрослому“» [Брук 1929, 79].

Тогда как лозунги чаще воспроизводят монологический призыв или императивное высказывание, формула пионерского девиза и отзыва существует в виде побудительно-ответного диалога: «К борьбе за рабочее дело — „Будь готов“, ответ — „Всегда готов“» [Леонтьева 2006, 239]. Прагматику этого отзыва-ответа авторы санитарных текстов сравнивают с боевым кличом: «От этих обычаев ты не должен отступать ни на шаг и не забывать их также никогда, как ты не забываешь тот боевой клич, который начертан у тебя на знамени: „к борьбе за рабочее дело будь готов“» [Памятка 1925, 7], «к боевому кличу на твоем знамени „будь готов“ присоедини новый клич „будь здоров“» [Там же, 9]. Боевой клич призван работать как экспрессивный и объединяющий участников знак. Чтобы придать лозунгам яркую образность и усилить их значимость, задействуется гиперболизация, превосходные степени прилагательных, генерализация, восклицательные интонации. Однако из-за частого повторения и широкого использования эти приемы утрачивают силу, смысл и эмоциональная окраска вымываются, и лозунги превращаются в «речевые знаки, приличествующие данному обстоятельству, моменту» [Селищев 1928, 122].

Мысли великих

Наряду с лозунгами предполагалось использование «изречений и мыслей великих ученых и деятелей». Такие микротексты

могли быть скомпилированы в подборки в санитарных изданиях [Санитарное просвещение 1922], использоваться в качестве эпиграфов для статей. Схожую функцию обращения к «мудрости предков» выполняли пословицы. Их формульная структура, сочетающая краткость, ритм и поучительное содержание, оказалась родственна лозунгам. При характерном для этого периода обличении «деревенской темноты» — невежества и непросвещенности, присущих традиционному обществу, авторы текстов обращаются к фольклору как правдивому источнику знания, прошедшему проверку временем: «Нельзя разговаривать во время еды. Старая пословица „Когда я ем, то глух и нем“ очень разумна» [Брук 1929, 50]; «„Болезнь входит пудами, а выходит золотниками“, такова старая меткая поговорка» [Там же, 11]; «Баня — мать вторая: кости распарит, все тело направит» [Бардовский 1929, 70]. Иногда в фольклорный текст подставляется «нужное» слово: «Береги платье снову, а здоровье — смолоду» [Там же, 69].

Помимо пословиц из фольклора была позаимствована повествовательная форма «сказа»: «Сказ о том, какие меры нам известны от холеры» [Трахтман 1921], «Как Арина чуть не погубила dochь и сына» [Добржинский 1925а], «О том, как Нил всю деревню заразил» [Юшков 1927]. Это довольно объемные стихотворные произведения, сюжетной основой которых становятся назидательные истории о заразных болезнях и их последствиях. Вероятно, преимущественно авторы обращались к таким формам, полагая, что «народная» литературная форма будет легче восприниматься малообразованными людьми, что фольклорный формат для них привычен и не будет вызывать отторжения. Часть доступных нам текстов такого жанра написана четырехстопным хореем с парной рифмовкой так же, как, например, «Сказка о царе Салтане» Пушкина и «Конёк-горбунок» Ершова — литературные подражания народной поэзии. Если мы обратимся к исследованиям семантического ореола стихотворного метра, то обнаружим, что хорей использовался в эпической народной песне, в легкой и, в частности, в шуточной поэзии, а кроме того, имел окраску народного и национального и с середины XIX в. связывается с народно-бытовой тематикой [Гаспаров 1990]. Можно предположить, что сложившееся ритмико-семантическое клише было настолько устойчивым, что авторы выбирали именно его. Сходным образом поэтическая лекция о туберкулезе «Туберкулиада» [Варушкин 1927], написанная гекзаметром, воспроизводит, по всей видимости, формулу ироникомической «Гавриилиады» Пушкина с ее смешением высокого

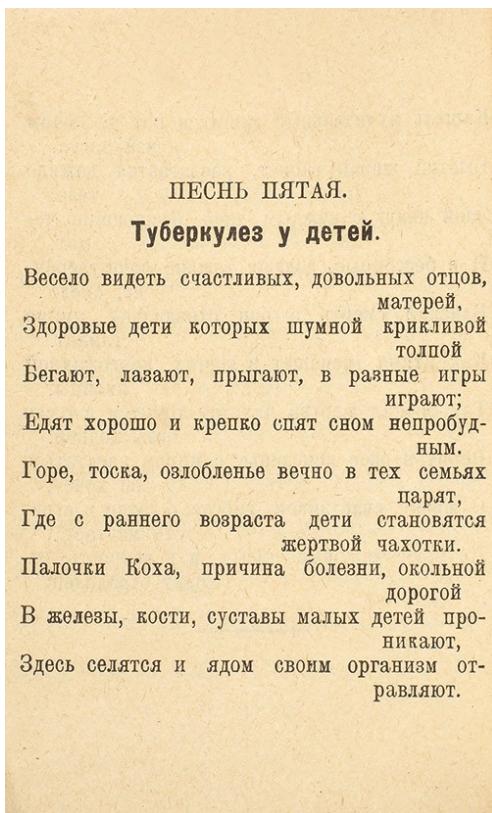

Рис. 6. И. М. Варушкин. Туберкулиада. 1927

и низкого стилевых регистров. Эти примеры демонстрируют, что круг источников разного рода литературных формул был довольно широк и разнообразен.

Заключение

Приведенный материал позволяет заключить, что язык детской санитарно-просветительской литературы 1920-х гг. конструировался теми же путями, что и новый советский язык. При помощи устойчивых конструкций и широкого спектра терминологических заимствований сложилась особая форма языка, существовавшая параллельно с «естественным» языком и образующая в обществе

диглоссию [Кронгауз 1994]. Этот язык, с одной стороны, должен был быть понятен каждому адресату и быть, по возможности, универсальным, поскольку его бытовая «материалистическая» прагматика состояла в трансляции знания. Именно поэтому в нем высока значимость кратких, емких директивных формул и приемов, способствующих запоминанию.

С другой стороны, его важнейшей культурной функцией, которую исследователи обозначают как «манифестную» или «магическую», было конструирование желаемой,ющей реальности независимо от происходящего в действительности. Риторика санитарно-просветительских текстов несла «...чувство удовлетворения от самого факта признания новой властью необходимости радикальных улучшений в сфере государственной системы охраны материнства и детства, а также ожидание этих улучшений» [Смирнова 2015, 48].

Широкий жанровый репертуар и столь же широкий арсенал формул позволяли обращаться к аудитории разными способами, увеличивая тем самым вероятность успешной коммуникации.

Примечания

¹ Фамилия М. Д. Карнаухова встретилась нам в различных вариантах написания, истинное же написание не установлено. Поскольку есть основания предполагать, что за этими вариантами стоит одна персоналия, мы приняли решение унифицировать написание фамилии в тексте статьи и в библиографическом списке.

² Я благодарю мою подругу и коллегу Ирину Суслову за помощь в сборе материала для этой статьи и совместные выступления на конференциях.

³ Здесь и далее сохранены оригинальные орфография и пунктуация источника (*E. K.*).

Литература

Источники

Бардовский 1929 — Бардовский А. А. Да здравствует солнце!: Массовая театрализованная игра в 14 эпизодах для детей среднего возраста. Л.: Прибой, 1929.

Беркова 1932 — Беркова К. Н. Детская иллюстрированная книжка по вопросам санитарно-гигиенической культуры // Охрана здоровья детей и подростков. 1932. № 4. С. 74–77.

Берлянд 1924 — Берлянд А. Санитарное просвещение в школе в прошлом и в настоящем // Санитарное просвещение. 1924. № 2. С. 3–5.

Брук 1929 — Брук Г. Я. Как пионеру сохранить и укрепить свое здоровье. М.; Л.: Гос. мед. изд-во, 1929.

Варушкин 1924 — Варушкин И. Опыт школьно-гигиенического кружка учащихся в школе II ступени // Санитарное просвещение. 1924. № 2. С. 9–10.

Варушкин 1927 — Варушкин И. М. Гигиена школьника и пионера. Сергиев, 1927.

Варушкин 1927a — Варушкин И. М. Туберкулиада: Лекция в стихах о туберкулезе. Сергиев: Комиссия по проведению тубтрехдневника при Сергиевском здравотделе, 1927.

Вессели 1927 — Вессели Ю. Злая паутина // Вессели Ю. И. Что расскажет Нюша в деревне. М.: Книгоиздательство Г. Ф. Мириманова, 1927. С. 12–15.

Вессели 1928 — Вессели Ю. Вредный мишкан // Вессели Ю. М. Вредный мишкан. М.: Издание Г. Ф. Мириманова, 1928. С. 1–13.

Вессели 1928a — Вессели Ю. Зеленая ягодка // Вессели Ю. М. Вредный мишкан. М.: Издание Г. Ф. Мириманова, 1928. С. 26–39.

Гончаров 1924 — Гончаров В. А. Приключения доктора Скалпеля и фаб-завука Николки в мире малых величин: (Микробиологическая шутка). М.; Л.: Мол. гвардия, 1924.

Даешь здоровье 1925 — Даешь здоровье: сборник пьес. М.; Л.: Молодая гвардия, 1925.

Добржинский 1925 — Добржинский Г. Ивашка-замарашка: Пьеса для детей. М.: Мосздравотдел, 1925.

Добржинский 1925a — Добржинский Г. В. Как Арина чуть не погубила дочь и сына: Народная побаска в стихах о том, как предупредить слепоту от трахомы. М.: Объединенное издательство НКСО, ЦККОВ и ВИКО «На помошь», 1925.

Железный 1925 — Железный А. Как жить, чтобы здоровым быть? М.: Новая Москва, 1925.

Заблудовский 1932 — Заблудовский П. Е., Нимен Л. Б. Работа по санитарной культуре среди подрастающего поколения во вторую пятилетку // Охрана здоровья детей и подростков. 1932. № 4. С. 12–19.

Зак 1928 — Зак С. Г. Боря в амбулатории. М.: Гос. изд-во, 1928.

Сорокин 1924 — Сорокин В. А. Законы и обычаи юных пионеров: Что должен всегда знать, помнить и делать каждый юный пионер. Л.: Прибой, 1924.

Канель 1928 — Канель Л. В. Как Ванюша умер от коклюша. М.: изд-во «Охрана материнства и младенчества» НКЗ, 1928.

Карнаухов 1928 — Карнаухов М. Д. Использование в санитарно-просветительной работе ребусов, шарад, задач и загадок // Теория и практика санитарного просвещения. 1928. № 6. С. 184–188.

Карнаухов 1927 — Карнаухов М. Д. Детям разные советы от Санпросвета: Детская гигиена в 15 шаржах. М.: Мосздравотдел, 1927.

Зачем вода 1929 — Карнаухов М. Д. Зачем вода? М.: Госмединздат, 1929.

Как кушать 1929 — Карнаухов М. Д. Как кушать. М.: Госмединздат, 1929.

О зубках 1929 — Карнаухов М. Д. О зубках. М.: Госмединздат, 1929.

Мексин 1926 — Мексин Я. П. Как Алла хворала. М.: Гос. изд., 1926.

Мендельсон 1931 — Мендельсон А. Л. Воспитание воли. Л.: Ленинградская правда, 1931.

Мильман 1925 — Мильман И. Санитарное просвещение среди пионеров // Санитарное просвещение. 1925. № 2. С. 60–64.

Мильман, Нестеренко 1926 — Мильман И. И., Нестеренко А. И. Указатель популярной санпросвет литературы для использования в библиотеках рабочих клубов, в избах-читальнях и в школах и пионерских отрядах // Теория и практика санитарного просвещения. 1926. № 4. 185–230.

На помощь 1923 — На помошь ребенку. М.; Пг.: Изд. Ц. К. Недели беспризорного и больного ребенка, 1923.

Надо изжить 1924 — Надо изжить // Ленинские искры. 1924. № 17. С. 2.

Новые формы 1924 — И. С. Новые формы санпросвещения (санитарные игры) // Санитарное просвещение. 1924. № 2. С. 14.

Памятка 1925 — Санитарная памятка. М.; Ростов-на-Дону: Гос. изд-во, Юношеский сектор, 1925.

Совещание 1922 — Первое всероссийское совещание по санитарному просвещению: 15–20 марта 1921 г.: Тезисы, докл. и резолюции / под ред. Л. М. Исаева. Смоленск: Гос. изд-во, 1922.

Савельев 1926 — Савельев Л. С. Пионерский устав: [Стихи для детей]. Л.: Гос. изд-во, 1926.

Саконская 1930 — Саконская Н. П. Как ножницы путешествовали. [Киев]: Культура, 1930.

Санитарное просвещение 1922 — Санитарное просвещение: Сборник популярных статей. М.: Санпросвет Москздрава, 1922.

Сигал 1927 — Сигал Б. С. Как я учился здоровой жизни. [Л.]: [Ленинградская правда], [1927].

Страшун 1923 — Страшун И. Д. Единый план гигиенического воспитания // Здоровые дети — светоч будущего. М., 1923. С. 89–92.

Суд 1927 — Сигал Б. С. И. Суд над пионером-курильщиком; П. Суд над неряшливым пионером: (Две инсценировки). М.: [Жизнь и знание], 1927.

Трахтман 1921 — Трахтман Я. Н. Сказ о том, какие меры нам известны от холеры. Саратов: Гос. изд-во. Саратов. отд-ние, 1921.

Трахтман 1930 — Трахтман Я. Н. Три щетки. [М.]: Гос. изд-во, 1930.

Фольман 1932 — Фольман Ф., Бонюк В. Пора вставать. М.: Молодая гвардия, 1932.

Фрейберг 1925 — Фрейберг Н. Г. Сборник законов и распоряжений правительства Р. С.Ф. С.Р. по врачебно-санитарному делу: с 1-го сентября 1919 г. по 1-е января 1925 г. М.: Издание Госмедторгпром, 1925.

Чуковский 1928 — Чуковский К. И. — А. Б. Халатову (отрывок из черновика) [1928] // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 2. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2001. С. 621–622.

Чуковский 1923 — Чуковский К. И. Мойдодыр: Кинематограф для детей. Пг.; М.: Радуга, 1923.

Юшков 1927 — Юшков П. Д. О том, как Нил всю деревню заразил. Свердловск: Уральское област. отд. здрав., 1927.

Яковлев 1925 — Яковлев П. Н. Шурка — зубная щетка. Ростов-на-Дону: Буревестник, 1925.

Яковлев 1949 — Указатель литературы за 1917–1947 гг. по вопросам санитарного просвещения (организация, содержание и методика) / сост. И. И. Яковлев. М.: ЦНИИ Санитарного просвещения Минздрава, 1949.

Исследования

Альбицкий 2016 — Альбицкий В. Ю., Шер С. А. Борьба с детской смертностью в имперской и советской России (начало XX в. — 1940 г.) // Смоленский медицинский альманах. 2016. № 4. С. 121–124.

Вдовин 2023 — Вдовин А. Конструирование крестьянских субъектов в прозе для народного чтения 1839–1861 годов // Детские чтения. 2023. № 1 (23). С. 269–298. DOI: 10.31860/2304-5817-2023-1-23-269-298

Гаспаров 1990 — Гаспаров М. Л. Семантический ореол пушкинского четырехстопного хорея // Пушкинские чтения: Сб. ст. / сост. С. Г. Исаков. Таллинн, 1990. С. 5–14.

Гусейнов 2003 — Гусейнов Г. Ч. Д. С.П.: Материалы к Русскому Словарю общественно-политического языка конца XX века. М.: Три квадрата, 2003.

Гусейнов 2004 — Гусейнов Г. Ч. Д. С.П.: Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М: Три квадрата, 2004.

- Кваша 2003* — Кваша Е. А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 6 (230). С. 47–55.
- Кронгауз 1994* — Кронгауз М. А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма // Знак: Сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике. М.: Русский учебный центр МС, 1994. С. 233–244.
- Купина 1995* — Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реации. Екатеринбург; Пермь: Уральский гос. ун-т. Западно-Уральский учеб.-науч. центр, 1995.
- Леонтьева 2006* — Леонтьева С. Г. Литература пионерской организации: идеология и поэтика: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 / Тверской государственный университет. Тверь, 2006.
- Мильман 1960* — Мильман И. И. Санитарное просвещение в советской школе // Очерки по истории советского санитарного просвещения / под ред. И. С. Соколова. М.: ЦНИИ Санитарного просвещения Минздрава, 1960. С. 190–254.
- Миронова 2020* — Миронова Н. А. Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020.
- Мицюк 2023* — Мицюк Н. А., Пушкарёва Н. Л. Социальные эксперименты и поиск оптимальных путей в формировании нового института родительства в 1900–1930-е гг. // История повседневности. 2023. № 1. С. 96–116. DOI: 10.35231/25422375_2023_1_96
- Нестеренко 1971* — Нестеренко А. И. Санитарное просвещение в РСФСР: становление и начальный период развития (1917–1921 гг.) / под ред. проф. Л. С. Боголеповой. М.: ЦНИИ Санитарного просвещения Минздрава, 1971.
- Рыба 2010* — Рыба М. «Счастливые рождаются под советской звездой»: тоталитарный дискурс в детской советской литературе сталинской эпохи // Block. 2010. № 5. С. 159–175.
- Селищев 1928* — Селищев А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет. (1917–1926). М.: Работник просвещения, 1928.
- Смирнова 2015* — Смирнова Т. М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни, 1917–1940. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015.
- Фесенко 1955* — Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при Советах. Нью-Йорк, 1955.
- Newsholme 1933* — Newsholme A. Sir, Kingsbury J. A. Red Medicine: Socialized Health in Soviet Russia. New York: Doubleday Doran, 1933.
- Williams 2018* — Williams C. Health and Welfare in St. Petersburg, 1900–1941: Protecting the Collective. London: Routledge, 2018.

References

- Albitskiy 2016* — Albitskiy, V. Yu., Sher, S. A. (2016). Bor'ba s detskoj smertnost'ju v imperskoj i sovetskoy Rossii (nachalo XX v. — 1940 g.) [Control of child mortality in the Imperial and Soviet Russia (from the early 20th century — 1940)]. Smolenskij medicinskij al'manah, 4, 121–124.
- Fesenko 1955* — Fesenko, A., Fesenko, T. (1955). Russkiy jazyk pri Sovetakh [The Russian language under the Soviets]. New York.
- Gasparov 1990* — Gasparov, M. L. (1990). Semanticheskiy oreol pushkinskogo chetyrekhstopnogo khoreya [The semantics of Pushkin's trochaic tetrameter]. In S. G. Isakov (Ed.), Pushkinskie chteniya: Sbornik statey [Pushkin Readings: Collection of Articles] (pp. 5–14). Tallinn.
- Guseynov 2003* — Guseynov, G. Ch. (2003). D. S.P.: Materialy k Russkomu Slovaryu obshchestvenno-politicheskogo jazyka kontsa XX veka [D. S.P.: Materials for the Russian Dictionary of socio-political language of the late 20th century]. Moscow: Tri kvadrata.
- Guseynov 2004* — Guseynov, G. Ch. (2004). D. S.P. Sovetskie ideologemy v russkom diskurse 1990-kh [D. S.P. Soviet ideologemes in Russian discourse of the 1990s]. Moscow: Tri kvadrata.
- Krongauz 1994* — Krongauz, M. A. (1994). Bessiliye jazyka v epokhu zreloga sotsializma [The impotence of language in the era of mature socialism]. In Znak: Sbornik statey po lingvistike, semiotike i poetike [Sign: Collection of articles on linguistics, semiotics and poetics] (pp. 233–244). Moscow: Russkiy uchebnyy tsentr MC.
- Kupina 1995* — Kupina, N. A. (1995). Totalitarnyy yazyk: Slovar' i rechevyye reaktsii [Totalitarian language: Dictionary and speech reactions]. Ekaterinburg; Perm: Ural'skij gos. un-t; Zapadno-Ural'skij ucheb.-nauch. tsentr.
- Kvasha 2003* — Kvasha, E. A. (2003). Mladencheskaja smertnost' v Rossii v XX veke [Infant Mortality in XX century Russia]. Sociologicheskie issledovaniya, 6, 47–55.
- Leontyeva 2006* — Leontyeva, S. G. (2006). Literatura pionerskoy organizatsii: ideologiya i poetika [Literature of the Pioneer Organization: Ideology and poetics] (doctoral dissertation). Tver: Tverskoy gosudarstvennyy universitet.
- Mitsyuk 2023* — Mitsyuk, N. A., Pushkareva, N. L. (2023). Social'nye eksperimenty i poisk optimal'nyh putej v formirovaniy novogo instituta roditel'stva v 1900–1930-e gg. [Social experiments and the search for optimal way in forming of a new institution of parenthood in the 1900s and 1930s]. Istorya povsednevnosti, 1, 96–116. DOI: 10.35231/25422375_2023_1_96
- Milman 1960* — Milman, I. I. (1960). Sanitarnoye prosveshcheniye v sovetskoy shkole [Sanitary education in the Soviet school]. In I. S. Sokolov (Ed.),

Ocherki po istorii sovetskogo sanitarnogo prosveshcheniya [Essays on the history of Soviet health education] (pp. 190–254). Moscow: TsNII Sanitarnogo prosveshcheniya Minzdrava.

Mironova 2020 — Mironova, N. A. (2020). Velikaya epidemija: sypnoy tif v Rossii v pervyye gody sovetskoy vlasti [The great epidemic: Typhus in Russia in the early years of Soviet power]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo.

Nesterenko 1971 — Nesterenko, A. I. (1971). Sanitarnoye prosveshcheniye v RSFSR: stanovleniye i nachal'nyy period razvitiya (1917–1921 gg.) [Sanitary education in the RSFSR: Formation and initial period of development (1917–1921)] (Ed. by prof. L. S. Bogolepova). Moscow: TsNII Sanitarnogo prosveshcheniya Minzdrava.

Newsholme 1933 — Newsholme, A. Sir, Kingsbury, J. A. (1933). Red Medicine: Socialized Health in Soviet Russia. New York: Doubleday Doran.

Ryba 2010 — Ryba, M. (2010). “Schastlivye rodyatsya pod sovetskoy zvezdoy”: totalitarnyy diskurs v detskoj sovetskoy literature stalinskoy epokhi [“The happy are born under the Soviet star”: Totalitarian discourse in Soviet children’s literature of the Stalin era]. Block, 5, 159–175.

Selishchev 1928 — Selishchev, A. M. (1928). Yazyk revolyutsionnoy epokhi: Iz nablyudenij nad russkim yazykom poslednikh let (1917–1926) [The language of the revolutionary era: Observations on the Russian language in recent years (1917–1926)]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.

Smirnova 2015 — Smirnova, T. M. (2015). Deti strany Sovetov: Ot gosudarstvennoy politiki k realiyam povsednevnnoy zhizni. 1917–1940 [Children of the Soviet country: From state policy to everyday realities. 1917–1940]. Moscow; Saint-Petersburg: Institut rossiyskoy istorii RAN; Tsentr gumani-tarnykh initiativ.

Vdovin 2023 — Vdovin, A. (2023). Konstruirovaniye krest'yanskikh sub'ektorov v proze dlya narodnogo chteniya 1839–1861 godov [The models of peasant agency in fiction for common people in the Russian Empire, 1839–1861]. Detskie chtenia, 1(23), 269–298. DOI: 10.31860/2304-5817-2023-1-23-269-298

Williams 2018 — Williams, C. (2018). Health and Welfare in St. Petersburg, 1900–1941: Protecting the Collective. London: Routledge.

Elena Kazakova

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0003-4600-4050

THE FORMULA OF HYGIENE IN EARLY SOVIET
SANITARY-ENLIGHTENMENT LITERATURE FOR CHILDREN:
FROM *MOYDODYR* TO THE SANITARY OATH

The protection of children's and adolescents' health was defined by the Bolshevik government, from the earliest years of the Soviet state's existence, as one of its most important tasks. Alongside oral, visual, and performative arts, sanitary-hygienic literature was positioned as a crucial instrument for propaganda of personal and social hygiene, a healthy lifestyle, and the necessity of basic medical knowledge. The analysis of literary texts and their accompanying metatexts — official documents, critical and methodological articles — is based on the concept of the "formula." Examples are provided demonstrating that ideologists and methodologists also operated with the concept of a formula when constructing the structure of sanitary-educational texts. It is shown that textual formulas, combining simplicity, rhythmic structure, and emotional coloring, employed strategies of persuasion, ridicule, and threat. Their genesis reflected general trends in linguistic transformations, including borrowings from military, religious, and bureaucratic discourses. The multi-addressee nature and broad genre repertoire of this literature made it possible to reach audiences across different age, educational, and social strata. The study concludes that the language of sanitary-educational literature of the 1920s was formed as part of the Soviet ideological project, combining the pragmatics of hygienic upbringing with the manifestation of a "new reality."

Keywords: Soviet children's literature, popular science literature, health education in the USSR, hygiene education, health protection in the USSR, medicalization of everyday life, formulaic texts